

к этой рукописи Ефросин выражал надежду на молитвы «преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца и преподобного отца нашего и господина старца Кирила».⁷³

О том, что деятельность Ефросина была связана не с одним только Кирилловым монастырем, может свидетельствовать и запись в одном из его сборников. Указав, что «впервые» он писал «Сказание о 12 пятницах» в 1477 г., Ефросин прибавил: «тое зимы и на игуменство поехал...». Конец этой фразы не сохранился (он срезан при переплете),⁷⁴ но, по-видимому, она относится к самому Ефросину. О нем, возможно, говорит и запись об «отшествии» из монастыря какого-то Ефросина (по-видимому, в 1470 г.), читающаяся в дополнительной части той рукописи, где находится изданное Н. К. Никольским древнее описание кирилло-белозерских сборников.⁷⁵

Таковы скудные биографические данные о Ефросине, находящиеся в нашем распоряжении. Подвизавшийся в 70—90-х годах в нескольких монастырях, этот монах не был рядовым иноком — он имел сан священника («поп Ефросим»), т. е. был иеромонахом (а впоследствии, возможно, и игуменом); как книгописец Ефросин тоже выступал не в качестве рядового переписчика, а в роли организатора литературных предприятий. Можно предполагать, что Ефросин был одним лицом со «старцем Ефросимом крылошанином»⁷⁶ и «попом Ефросином»,⁷⁷ выступавшим в 60—80-х годах от имени Кириллова монастыря в роли «послуха». Но глубоких корней в Кирилловом или каком-либо другом монастыре Ефросин не пустил; важной роли в церковно-административной жизни конца XV в. он не сыграл и именно поэтому, очевидно, остался почти незамеченным летописными и иными источниками того времени.⁷⁸

Главным занятием этого человека была не церковная, а литературная деятельность, получившая вполне определенное отражение в его сборниках.

⁷³ ГИМ, Увар. 894, л. 637 об.

⁷⁴ КБ-11, л. 235 (в тексте, конец на правом поле). — После слова «поехал» видны следы еще двух букв. Если речь идет не о Ефросине, а каком-то другом лице, чье имя сохранилось на срезанном тексте («поехал» такой-то), то речь, может быть, идет о Паисии Ярославове, как раз в 1477 г. поехавшем из Заволжья на игуменство в Троице-Сергиев монастырь.

⁷⁵ Запись эта, сделанная полукриптографическим способом (особой системой беглого письма, при которой вместо ряда букв пишутся их фрагменты), гласит: «Круг солнцу 35 отшол Ефросин, жил год да три месяца и две недели, а луне 5 круг, лет в руке 4, месяца мая 10 по Николене дни» (ГПБ, Кир.-Бел. 101/1178, л. 257). Если точно вычислить дату по всем этим данным (круг солнцу, «вруцелето», круг луны), то получается 7035 (1527) г., — в таком случае надпись вряд ли относилась бы к нашему Ефросину, переписывавшему рукописи в 1470 или даже в 1463 г. Однако дата эта вообще сомнительна, так как изданное Н. К. Никольским описание было составлено до конца XV в., а приписки к нему — все не позже 1510 г. (ср.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. XLIV—XLV); в этих приписках данные «вруцелет» как раз крайне неточны (там же, стр. XL—XLI). Можно думать поэтому, что автор заметки имел в виду 6978/79 г., к которому приблизительно (6978 г. — круг луны 5; 6979 г. — круг солнцу 35, «вруцелето» «а») подходят приведенные им календарные данные.

⁷⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ), т. II. М., 1958, № 173.

⁷⁷ Там же, № 226.

⁷⁸ Книгописец Ефросин, несомненно, не был идентичен Ефросину, известному церковному деятелю, основателю и игумену псковского Спасо-Елеазарова монастыря: книгописец Ефросин трудился в конце XV в. и не ранее 1491 г. переписывал одну из своих рукописей; игумен Ефросин родился, очевидно, еще в конце XIV в., в 1425—1438 гг. ходил в Царьград, основал монастырь в 1450 г.; умер в 1481 г. (ср.: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 240—255).